

УДК 811.161.1'367.634

Э. А. Рахматуллина

Московский государственный университет печати (Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЮЗА «И» В ПОЭЗИИ Ю. КУЗНЕЦОВА

У поезії Ю. Кузнецова союз «і» реалізує різні функції: логічно і інтонаційно актуалізує семантику пропозицій, посилює виразність мовлення, надає тексту сакральність. Використовуючи союз «і», поет створює свою картину світу, вказує на важливі об'єкти світу, підкреслює єдність і зв'язок явищ.

В поэзии Ю. Кузнецова союз «и» реализует разные функции: логически и интонационно актуализирует семантику предложений, усиливает выразительность речи, придает тексту сакральность. Союз «и», участвуя в моделировании авторской картины мира, служит средством актуализации наиболее значимых объектов мира, подчеркивает единство и связь явлений.

In Yuriy Kuznetsov's poetry the conjunction "and" carries out different functions: it brings up to date the semantics of the sentence logically and tonally, intensifies the expressiveness of the speech, and attaches sacrament to the text. Using the conjunction "and" the poet creates his own picture of the world, and emphasizes the important objects of the world, and highlights the unity and ties of the phenomena.

При исследовании синтаксических особенностей поэтического текста наиболее значимыми являются такие аспекты, как синтаксическая композиция стихотворения, место и роль синтаксических единиц в тексте, семантика, функции различных грамматических категорий в структуре синтаксических единиц.

Важность и актуальность изучения поэтического синтаксиса связаны с необходимостью дальнейшего изучения произведений словесно-художественного творчества с целью определения своеобразия используемых в них синтаксических средств, а также с целью развития представлений об эстетическом потенциале синтаксических единиц и его реализации в художественной речи.

В последние десятилетия изучению синтаксиса художественного текста уделялось внимание как в литературоведческих, лингвистических исследованиях, так и в современных когнитивных. Союзу «и» посвящена обширная литература, некоторые особенности его функционирования и семантики подробно описаны [см. Кручинина Н. И., Николаева Т. М., Урысон Е. В., Фужерон О.]. Тем не менее мы согласны с тем, что «этот союз все еще не описан полностью, причем некоторые, отнюдь не периферийные контексты с ним представляют большие трудности для семантического анализа» [11, с. 17]. Поэтому мы обращаемся к исследованию особенностей союза «и» в поэтическом тексте, ориентированном на моделирование особого – сакрального, мифологического – художественного пространства.

Предметом анализа в статье является поэтический текст, объектом – синтаксические конструкции с союзом «и», который обладает большими функционально-семантическими возможностями.

С нашей точки зрения, необходимым является решение конкретных задач, а именно: 1) анализ современного состояния исследований в области поэтического синтаксиса; 2) выявление и описание специфики синтаксических конструкций с союзом и в стихотворениях Ю. Кузнецова; 3) рассмотрение основных синтаксических

функций эстетически маркированных синтаксических единиц с союзом «и»; 4) рассмотрение основных семантических функций эстетически маркированных синтаксических единиц с союзом «и»; 5) изучение роли союза «и» в моделировании автострофической мифологизированной модели мира.

Стилеобразующим в творчестве Ю. Кузнецова является использование союза «и». В том числе за счет использования союза «и» в различных функциях и значениях реализуется полисиндетон. Изучение стилистически маркированных и эстетически значимых синтаксических конструкций с союзом «и» в стихотворениях Ю. П. Кузнецова позволяет говорить о том, что эти модели обладают потенциальной экспрессией, которая выражается путем определенных отклонений от нейтральных или стилистически немаркированных конструкций.

Как правило, сочинительные союзы реализуют свою функцию, являясь выразителями синтаксических отношений между однородными членами предложения и частями сложносочинённого предложения. В поэтических текстах автора союз «и» приобретает иные функции, так как включается в структурно-семантическую композицию произведения. Союз «и» служит целям ритмизации речи, имитации устной формы повествования [1, с. 1], в результате текст становится экспрессивнее, ближе к читателю. Также союз «и» создает логическое, эмоциональное усиление, повышает динамичность описания, но при этом не затрудняет восприятие.

Союз «и» употребляется в присоединительном значении, способствуя актуализации предиката. В структурно-семантическом и функциональном отношении такие конструкции разнообразны. Так, например, происходит осложнение основного присоединительного причинно-следственным значением:

*Но верим мы, что в глубине иных времен
На слово Пушкина потомок отзовется,
И улыбнется* [6, с. 403].

Можно отметить высокую частотность этого союза в анафорических конструкциях. Сильная позиция начала строки позволяет логически и интонационно актуализировать семантику соединяемых союзом «и» предложений в строфе и усилить выразительность речи:

*Не видит ни их, ни России
Солдат об одном сапоге.
И слушает скрипы глухие
В своей деревянной ноге.
Солдат потерял свою ногу
В бою среди белого дня.
И вырубил новую ногу
Из старого темного пня* [6, с. 466].

В данном контексте анафорически употребляемый союз «и» со значением противопоставления выстраивает последовательную оппозицию действий: не видит, но слушает; потерял, но вырубил. Использование сочинительного союза вместо противительного позволяет автору обогатить семантику отношений в структуре строфы: сочинительное нанизывание действий объединяет их в один перечислительный ряд, тем самым поэт подчеркивает следственную взаимообусловленность предикатов.

Союз «и», начинающий новое предложение, характерен для синтаксиса стихотворений Ю. Кузнецова. Думается, это обусловлено установкой автора на придание тексту сакральности. Художественный текст Ю. П. Кузнецова конструирует миф, поэтому перенимает некоторые черты архаичных сакральных текстов.

Так, анафорическое «и» было частотно в христианской церковной литературе – в Евангелии с помощью этого повтора достигалась торжественность и величествен-

ность повествования: «...И встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина. И сказал им...» [7, с. 33].

Ю. М. Лотман, исследуя особенности синтаксиса архаических текстов, приходит к выводу, что они тяготеют к формам постулирующих, констатирующих высказываний. «Господствуют простые предложения, которые присоединяются друг к другу по кумулятивному принципу как равноправные, с помощью сочинительных союзов» [8, с. 188].

Безусловно, в особенностях синтаксических конструкций сказывается и общая идейно-эстетическая установка автора на моделирование в своем творчестве сакральной, единственно возможной мифологической реальности, и особенности мировосприятия поэта, несомненно, связанные с мифомышлением.

Большинство явлений поэтического мира Ю. Кузнецова – это события, которые, совершившись однажды, уже не могут исчезнуть, так как входят в основополагающую модель мира. Основным организующим принципом является признак бытийности: в тексте необходимо обозначить ряд священных действий, которые возникают последовательно, но являются равноправными (нельзя сказать, что одно важнее другого).

Каждый предикат, актуализированный анафорическим «и», в мифологической модели мира Ю. Кузнецова имеет сакральное значение. Как правило, это действие, связанное с процессом мирозидания:

Господь отвечает на зов...

И с мира спадают покров.

И дьявол в аду отдыхает [6, с. 293].

Совершенное перводействие таким образом закрепляется, вся последовательность фиксируется как некий алгоритм. Все остальные действия становятся скоропреходящими, непостоянными. Отсюда и наличие двух основных видов сообщений: одни фиксируют основы мироздания, другие описывают многообразие временных событий и предметов.

Союз «и», используемый в начале предложения, создает ощущение исполненного ожидания (в ответ на «дура» – ожидаемое «сам дурак»):

Вот она! Горячая и злая.

На лету поймал ее в кулак.

Здравствуй, дура! Радость-то какая!

И в ответ я слышу: – Сам дурак! [6, с. 278].

В контексте союз «и» актуализирует значение положительного следствия предшествующего предиката, причем конструкцию с «и» можно рассматривать как присоединительную, положительно маркированную, так как предложение «И сон прошел!» восклицательное, грамматически и семантически связано с последующим модально-оценочным «хорошо»:

Тянулся в небе змей... Ужо!

Он сииб его единым чохом

И сон прошел! И хорошо

Потягиваться перед Богом! [6, с. 247].

Союз «и» грамматически служит средством связи между строфами, соединяя их микротемы (люди, которые есть, – в первой строфе; все люди, достойны забытья, – во второй строфе). С другой стороны, семантически именно союз резюмирует перечисление «никого, кто есть, то есть все» и связывает этот ряд с оценкой в первом предложении второй строфы:

Увы! Куда ни погляжу –

Очарованье и тревога.

Я никого не нахожу;

А кто и есть, то не от Бога.

И все достойны забытья.

*Какое призрачное племя!
Им по плечу мешок нитья,
Но не под силу даже время...* [6, с. 195].

Немаловажным средством придания стихотворению сакрального звучания становится и полисиндетон, который подчиняется стратегии смыслового развертывания текста. Многосоюзиe – довольно распространенный стилистический прием, употребляющийся в русской литературе разных периодов.

В творчестве Ю. Кузнецова полисиндетон проявляется в использовании союза «и», сочетается с преобладанием в структуре текста сочинительной связи. Нанизывание союза «и» способствует большей экспрессивности и ритмичности перечисления, воссоздающей мелодику народной сказки. Частотное использование союза «и» в начале предложений и абзацев является характерной чертой синтаксических конструкций, используемых в сказках. Это еще раз подтверждает значимость славянской культурной парадигмы для творчества Ю. Кузнецова.

Полисиндетон выступает, прежде всего, как средство связи самостоятельных предложений в сложносочиненном предложении, а также как средство связи самостоятельных предложений в строфе. В таких случаях чаще всего союз «и» указывает на логическую взаимообусловленность предшествующей и последующей информации:

*И смешаны во прахе том
Добро со злом и тьма со светом.
И ходит страшным ходуном
Свистящий прах перед поэтом.
Под ним сыра земля горит,
И гул расходится залесьем* [6, с. 478].

Нанизывание предложений и абзацев используется в целях создания эффекта припоминания последовательности событий, торжественности изложения:

*И был мне голос. Он как гром раздался:
– Войди в огонь! Не бойся ничего!
– А что же с миром? – Он тебе казался.
Меня ты созерцал, а не его...
И я вошёл в огонь, и я восславил
Того, Кто был всегда передо мной* [6, с. 422].

Моделирование мира происходит посредством непрерывно возникающих предметов, событий, состояний, которые включаются в текст повторением сочинительного союза «и»:

*И вестник молчанья на землю сошёл,
И мира коснулся, и голос обрёл:
– Звезда подо мной, а под вами земля.
Я вижу: сквозят и сияют поля,
И недра прозрачны, и камень лучист,
И прах на дороге, как бездна, сквозист* [6, с. 367].

Многосоюзиe замедляет движение, придает описываемым событиям значительность, актуализирует смысл соединяемых союзом однородных членов предложения:

*Удивился Господь.
И послал ему птицу с дарами.
И спустилась та птица с небесной горы,
И рассыпала перед Акимом дары,
И над ним заметалась кругами* [6, с. 450].
Или:
*Я скатаю родину в яйцо
И оставлю чуждые пределы,
И пройду за вечное кольцо...* [6, с. 242].

Анафорическое многосоюзие может эксплицитно обозначать значимость номинаций, именующих основные предметы мироздания, союз «и» подчеркивает, выделяет денотаты (мир, камень, молния):

*О, миг! Это камень проснулся
И мира пустого коснулся,
И каменным стал этот мир.
Всё сущее камень сломил.
Дороги назад оглянулись,
Все стороны света замкнулись,
И молния в камень ушла...
И камню открылась душа [6, с. 99].*

Мир, камень, молния – ключевые символы в мифологической модели мира автора, приобретающие статус мифологем в контексте всего творчества.

Таким образом, в поэзии Ю. Кузнецова союз «и» оказывается функционально, эстетически значимым и реализует различные типы отношений в синтаксических конструкциях. Активность союза связана с тем, что для моделирования своей картины мира писателю необходимо усилить постулирующий характер своих умозаключений, четко обозначить и зафиксировать значимые предметы, подчеркнуть целеустремленность перечисляемых действий, единство и взаимообусловленность явлений в мире, присутствие в нем конструктивного начала.

Дальнейшее изучение особенностей синтаксических единиц в поэзии Ю. Кузнецова, думается, связано с расширением поля исследования и включения в него союза «а», который в большинстве текстов синтаксически связан с союзом «и» и семантически ему противопоставлен.

Библиографические ссылки

1. **Брандаусова А. В.** Некоторые особенности литературной сказки в когнитивном аспекте / А. В. Брандаусова // Язык. Сознание. Коммуникация. – М. : Макс пресс, 2005. – Вып. 29. – С. 126–135.
2. **Валгина Н. С.** Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
3. **Виноградов В. В.** О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М. : Гослитиздат, 1959. – 154 с.
4. **Кручинина Н. И.** Textoобразующие функции сочинительной связи / Н. И. Кручинина // Русский язык: Функционирование грамматических категорий: Текст, контекст. – М. : Наука, 1984. – С. 204–210.
5. **Кручинина Н. И.** Структура и функции сочинительной связи в русском языке / Н. И. Кручинина. – М. : Наука, 1988. – 145 с.
6. **Кузнецов Ю. П.** Крестный ход : Стихотворения и поэмы / Ю. П. Кузнецов. – М. : СовА, 2006. – 640 с.
7. **Лотман Ю. М.** Устная речь в историко-культурной перспективе / Ю. М. Лотман. Избранные статьи. – Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 184–190.
8. **Маркова Т. Н.** Стилиевые тенденции в прозе конца XX века : специфика речевых форм / Т. Н. Маркова // Известия Уральского гос. ун-та. – 2003. – № 27. – С. 27–34.
9. **Николаева Т. М.** Сочинительные союзы а, но, и : история, сходства и различия / Т. М. Николаева // Славянские сочинительные союзы. – М. : Наука, 1997. – С. 3–24.
10. **Урысон Е. В.** Русский союз и частица И : структура значения / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 2000. – № 3. – С. 97–121.
11. **Урысон Е. В.** Некоторые значения союза А в свете современной семантической теории / Е. В. Урысон // Русский язык в научном освещении. – М., 2004. – №2 (8). – С. 17–49.
12. **Фужерон И.** О некоторых особенностях русских сочинительных союзов. Союзы и и а, союзы а и но / И. Фужерон // Славянские сочинительные союзы. – М. : Наука, 1997. – С. 25–35.